В диссертационный совет 24.2.336.01, созданный на базе ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
123242, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 7, стр. 22

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Микрюкова Виктора Алексеевича на тему:
«Категория аналогии в системе регулирования частноправовых отношений», представленную на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Актуальность темы научного труда В.А. Микрюкова не вызывает сомнений. Право как один из основных регуляторов общественных отношений сталкивается со сложной задачей, требующей повышения эффективности регулирования с учетом новых вызовов и неизменного сохранения должного уровня гарантированности субъективных частных прав и законных интересов их носителей. Решению этой задачи во многом может способствовать целостное цивилистическое представление об аналогии, на создание которого нацелено диссертационное исследование. Автор справедливо указывает на недостаточность знаний о современных проявлениях и возможностях аналогии и на протяжении всей работы иллюстрирует аспекты научной и прикладной актуальности предпринятого исследования и в разных предметных сферах, и с позиции различных участников частноправовых отношений, и с точки зрения правоприменителей.

Следует согласиться с диссертантом в том, что на сегодняшний день сформировалась совокупность факторов, предопределяющих необходимость комплексного исследования различных вопросов аналогии в корпоративной сфере, остававшейся в рассматриваемом автором аспекте без специального

внимания.

Особенно значимо обращение В.А. Микрюкова к изучению проявлений категории аналогии в семейно-правовой сфере, поскольку преобладающая императивность семейного права в сочетании с ситуационностью его метода зачастую рассматриваются если не как препятствующие, то по крайней мере отрицающие сколько-нибудь заметную востребованность аналогического правоприменения. Автор не просто отыскал богатый эмпирический материал в виде конкретных прецедентов, задействовавших так или иначе аналогию закона и права (что весьма ценно даже само по себе), но систематизировал их применительно к структуре Семейного кодекса РФ, всесторонне проанализировал аргументацию участников споров и суждения судов, привел и оценил многочисленные доктринальные высказывания по животрепещущим проблемам семейного права.

Научная новизна диссертации В.А. Микрюкова, охарактеризованная во введении работы тем, что представлено новое, широкое доктринальное восприятие аналогии в качестве сквозной правовой категории, пронизывающей все уровни (нормативный и индивидуальный) и отраслевые содержательные элементы (включая семейные и корпоративные) системы регулирования частноправовых отношений (стр.11), по тексту работы последовательно подтверждается. Творческая оригинальность находит отражение в логически обоснованных и научно апробированных результатах решения адекватно поставленных исследовательских целей и задач.

Ведущим, цементирующим диссертацию выводом выступает новый взгляд на степень востребованности аналогии в частном праве как неуклонно возрастающую несмотря на количественное разрастание и качественное совершенствование нормативно-правового массива (седьмое положение).

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, является надлежащей и соответствует уровню требований, обычно предъявляемых к докторским исследованиям. Вынесенные автором на защиту положения характеризуются новизной и

теоретической значимостью.

В первом положении автор продемонстрировал единство логической основы всех суждений по аналогии, используемых в частном праве, что позволило не только вывести научное обсуждение правового значения категории аналогии за пределы института судебного преодоления пробелов, но и сформулировать требования к эффективному (достоверному, адекватному, законному) применению аналогии. Диссертант сумел выдержать принцип единства методологии научного исследования и использовал суть предложенного подхода (обеспечение должной широты, глубины, системности и целесообразности) для уточнения общего алгоритма применения аналогии закона и аналогии права (стр.180, 181) и конкретных аналогических суждений законодателя (стр.122, 361, 502 и др.), суда (стр.370, 372, 382, 455, 471, 564 и др.), субъектов частных правоотношений (стр.49, 77, 89, 108 и др.).

Следует положительно отметить, что использование аналогии на индивидуальном (договорном и автономном) уровне системы регулирования частноправовых отношений (четвертое положение) убедительно доказано путем анализа многочисленных конкретных примеров частноправовой практики, в том числе в сфере охраны изображения и голоса гражданина (стр. 64-68), в подрядных отношениях (стр. 69-78).

Особый научный интерес представляют суждения автора о природе и значении правовых метафор. Показывая, что в их основе лежит аналогия (сравнение предмета или явления с каким-либо другим на основании их общего (переносимого) признака), диссертант, с одной стороны, не исключает использования метафор в языке права в герменевтическом и риторическом аспектах, но с другой стороны, не поддерживает применение метафор на нормативном уровне системы частноправового регулирования (включая подуровень разработки пояснительных записок к законопроектам) и обосновывает необходимость осторожного, аккуратного отношения к метафоризации правоприменительной деятельности (стр.78-82).

Заслуживает внимания и одобрения то, что В.А. Микрюков собрал,

обработал и систематизировал огромный объем нормативной, эмпирической и доктринальной информации в сферах допустимого и целесообразного применения аналогии как сквозного антипробельного средства путем выхода на высокий уровень абстракции и вычленения правового материала, способного быть «вынесенным за скобки» для применения пандектного принципа, характерного для построения всей системы отечественного частного права. В этом аспекте одним из значимых теоретических результатов работы выступает выявление общих признаков схожих правовых явлений и предложения по генерализации соответствующих правил, в том числе: о действиях по регистрации прав на недвижимое имущество (стр.120), о правовых последствиях истечения сроков полномочий органов юридических лиц (стр.338), о правовом режиме фирменных наименований коммерческих организаций (стр.267) об обеспечении права каждого члена семьи на свободное и беспрепятственное осуществление семейной заботы (стр.425), о применении «оптовых» аналогий (стр.170, 171). Такой подход обосновывает проявление аналогии как средства выработки нормотворческих решений и формирования нормативного массива (второе положение) и демонстрирует выявленную автором функцию аналогии сберегать объем нормативно-правового материала, бороться с правовыми излишествами (восьмое положение).

При написании работы автор корректно придерживался принятой в юридической науке, законодательстве и судебной практике терминологии. Вместе с этим можно утверждать, что явно обогатят содержательность научной дискуссии предложения диссертанта по внедрению в научный дискурс новых правовых понятий и их дефиниций: норма-аналогия (третье положение), правовой конструкт (пятое положение), предписанная аналогия и интуитивная аналогия (шестое положение), правовая аномалия (десятое положение), правовой плеоназм (пятнадцатое положение), авторское определение которых основано на достаточно глубоком анализе положений действующего законодательства и позиций большого числа правоведов. Эти новые понятия следует считать вкладом В.А. Микрюкова в развитие теории цивилистики.

Практическая значимость научных достижений диссертанта состоит, в частности, в развернутых, содержательно выверенных и логически выстроенных предложениях по совершенствованию действующего законодательства. По материалам глав 1 и 2 диссертант сформулировал и привел в заключении 13 предложений (1, 2, 3, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20), по главе 3 – 6 предложений (21, 22, 23, 24, 25, 26), а по главе 4 – 7 предложений (4, 5, 6, 7, 8, 9, 10). Данные предложения, а также некоторые иные предложения и рекомендации, сделанные по тексту работы (с. 583, 593, 673), основаны на детальном научном анализе и могут оказаться востребованными в практической работе нормотворческих органов. Обращает на себя внимание то, что данные предложения нацелены на доктринально проработанное изменение не только норм, входящих в институт аналогии (стр.182, 260) и норм, относящихся к группе выделяемых автором норм-аналогий (стр.132, 133, 138, 139, 142, 144, 146, 226), но и регулятивных норм, необходимость внесения изменений в которые обоснованы автором с опорой на метод аналогии и выявленные аналогические конструкты (стр.100, 118, 244, 395, 404, 439, 445, 451, 463 и др).

Работа В.А. Микрюкова значима и в **учебно-методологическом** аспекте. Верно отметив недостаточное внимание современной цивилистики к поиску и анализу конкретных «живых» примеров реального использования аналогии закона и аналогии права при реализации и применении норм частного права (стр.159, 160), автор собрал и представил детальный разбор внушительного количества гражданско-правовых, семейно-правовых, корпоративных, жилищных и иных казусов, составил своего рода аналогическую правовую хрестоматию. Эти интересные и познавательные материалы, как и новые авторские уточнения об алгоритме применения аналогии закона и аналогии права (стр.181, 182, 189, 344), могут и должны учитываться в учебном процессе при освоении дисциплин частноправового характера.

Широта и разнообразие проработанных автором проблем обусловливают наличие положений, которые носят **дискуссионный характер** или требуют дополнительных пояснений автора в ходе публичной защиты.

1.Весьма импонирует внимание автора к проблематике регулирования семейных отношений, именуемых диссертантом как «сфера юридически значимого семейного взаимодействия» (положение 13). Пожалуй, это те отношения, которые, с одной стороны, объективно не могут быть в полной мере регламентированы нормами права и, с другой стороны, весьма уязвимы при попытке законодателя установить некий императивный формат. В связи с этим, безусловно, заслуживают одобрения суждения и выводы соискателя, предлагаемые в первом параграфе третьей главы диссертации.

Демонстрируя результаты «практики преодоления неопределенности основных категорий семейного права», Микрюков В.А. обращается к понятиям «семья», «члены семьи» и др., совершенно справедливо утверждая, что суды, как правило, «отслеживают» отраслевую принадлежность спора (стр.349 и далее). И в положении 13, выносимом на защиту, диссертант констатирует, что «метод аналогии в применении семейного законодательства наиболее востребован в случаях, когда спорное отношение непосредственно связано с принадлежностью и (или) оборотом материальных благ ...». Действительно, представленные автором примеры судебной практики свидетельствуют о применении судом аналогии при рассмотрении споров имущественного характера, но возникающих в плоскости совершенно иной отраслевой принадлежности (налоговые правоотношения, правоотношения в сфере социального обеспечения и т.п.).

Означает ли это, что применение аналогии в «сфере юридически значимого семейного взаимодействия» находится за пределами, обозначенными непосредственно в ст.2 Семейного кодекса РФ и очерчивающими границы предмета семейно-правового регулирования? Да, наличие семейно-правовых связей между физическими лицами (родственниками, свойственниками, супругами и т.д.) может быть как основанием, так и условием защиты имущественных прав в других правоотношениях. В то же время не может не учитываться потребность и возможность аналогии при регулировании личных неимущественных отношений (приоритет которых прямо обозначен в ст.2 СК РФ) между субъектами, перечень которых предусмотрен в этой же статье

указанного кодекса.

2. Заслуживает безусловного одобрения то, что диссертант соотносит вопросы аналогии закона и аналогии права с фиктивными состояниями в семейном праве. Рассуждения и выводы соискателя о фиктивном расторжении брака (стр.376 и далее) очередной раз свидетельствуют о благодатном характере «почвы» семейных отношений для применения аналогии.

В третьем параграфе третьей главы диссертации автор отмечает пределы аналогии в практике установления прав и обязанностей родителей и детей, апеллируя в том числе и к вопросам установления происхождения детей. Актуальность и обоснованность предложения Микрюкова В.А. об уточнении редакции ст.50 СК РФ (стр.600) подтверждаются современной судебной практикой по делам об установлении отцовства, если предполагаемый отец пропал без вести в ходе специальной военной операции.

В то же время за пределами внимания диссертанта остались иные сферы, характеризующиеся возможным фиктивным характером. В частности, возможность оспаривания фиктивного установления отцовства, совершенного в порядке, предусмотренном п.3 ст.48 Семейного кодекса РФ, либо материнства, если сведения о матери были внесены в запись о рождении ребенка на основании заявления лица, присутствовавшего во время родов (п.1 ст.14 ФЗ «Об актах гражданского состояния»). В связи с этим возникает вопрос обоснованности применения в соответствующих случаях аналогии и ее пределов.

3. Весьма содержательны и значимы для развития теории семейного права суждения соискателя об аналогии в практике разрешения судами споров о праве родителей и детей на общение (стр.414 и далее), в частности, о праве совершеннолетних детей на общение со своими недееспособными родителями; о праве родителя на общение со взрослым недееспособным ребенком.

Безотносительно конкретной ситуации, ставшей основой сюжета, считаем необходимым опять-таки обозначить вопрос о предмете семейно-правового регулирования. В ст.2 Семейного кодекса РФ законодатель указывает на личные неимущественные и имущественные отношения между родителями и детьми,

однако, как следует из содержания п.1 ст.54, п.1 ст.55 и п.2 ст.61 СК РФ, право ребенка на общение с каждым из родителей и, наоборот, право каждого из родителей на общение с ребенком ограничиваются периодом несовершеннолетия ребенка.

По мнению диссертанта, рассмотренная им практика позволяет говорить «о целесообразности более широкого подхода к нормативной защите интереса членов семьи в осуществлении семейной заботы» (стр.425). Означает ли, что реализация такого подхода ведет к расширению предмета семейного права? Если да, то в каких пределах? Если все-таки нет, то чем должны определяться пределы судейского усмотрения?

4. Значительное место в параграфе пятом третьей главы диссертации занимают рассуждения соискателя об аналогии закона в механизме ограничения прав усыновителей. При этом Микрюков В.А. весьма корректно отмечает различия в позиции Пленума Верховного Суда РФ, демонстрируемые в постановлениях о применении судами законодательства при рассмотрении споров, связанных с воспитанием детей (1998 г.), дел об усыновлении (2006 г.), при ограничении или лишении родительских прав (2017 г.). Выражаем полную солидарность с выводом диссертанта о том, что «правила об ограничении родительских прав должны применяться к усыновителям не по аналогии закона, а напрямую» (стр.451).

В то же время открытым остается вопрос о «тождестве юридически значимых параметров родительских и усыновительских семейно-правовых связей» (стр.450), поскольку соискатель посчитал достаточным обратиться лишь к институту ограничения прав усыновителей. Означает ли это, что механизм регулирования иных отношений, возникающих в семье в связи с усыновлением ребенка, соискатель считает совершенным? Возможно и обоснованно ли применение аналогии при рассмотрении иных споров, связанных с воспитанием и содержанием усыновленного ребенка, а также дел об отмене усыновления по инициативе усыновителя (усыновителей)?

5. Диссертант доказывает в процессе исследования и констатирует в

положении 14, выносимом на защиту, что «при разрешении семейно-правовых споров использование аналогии выявляет скрытые, ранее не известные или не характерные свойства». В частности, указано, что «в силу специфики предмета семейного права, требующего ситуационного учета индивидуальных характеристик семейно-правовых отношений, активнее, чем в других сферах частного права, задействуется аналогия права».

Соотнеся данный вывод с названием главы третьей диссертации, именуемой «Аналогия в правовом регулировании частноправовых отношений, складывающихся в семейной сфере», полагаем обоснованным адресовать соискателю вопрос о соотношении частных и публичных начал в семейном праве, о взаимосвязи и взаимообусловленности частных и публичных интересов в отношениях, сфера которых ограничена в ст.2 Семейного кодекса РФ. В частности, необходимость обеспечения гармонизации частных и публичных интересов в семейных отношениях, очевидно, предполагает установление хотя бы примерного перечня критериев и пределов аналогии права.

Высказанные соображения не могут быть обозначены как недостаток диссертации, они не колеблют ее позитивного восприятия и дополнительно подчеркивают творческий характер осуществленных автором научных изысканий.

В диссертации и иных опубликованных автором работах в соответствии с предъявляемыми научно-методическими и иными требованиями комплексно проработаны разноотраслевые социально, политически и экономически важные проблемы теории частного права и частноправовой практики, а доктринально обоснованные решения последних можно квалифицировать как существенное научное достижение современной цивилистики.

Результаты диссертационного исследования В.А. Микрюкова опираются на обширный доктринальный материал (более 1000 научных российских и зарубежных источников разного типа), объемную нормативную эмпирическую базу (более 600 нормативных, судебных и иных правовых актов), что свидетельствует о фундаментальности представленной работы и высокой

степени обоснованности достигнутых результатов. Новаторские научные выводы диссертанта, сформулированные им прикладные суждения и внесенные практические рекомендации аргументированы и соотнесены с другими позициями, высказанными в российской и зарубежной юридической литературе.

Степень научной новизны и достоверности сформулированных в диссертации выводов и рекомендаций находит отражение в 89 работах, опубликованных В.А. Микрюковым в рецензируемых научных изданиях, индексируемых как в российских, так и иностранных базах цитирования. Данные публикации подтверждают полноту и завершенность диссертации в соответствии ее целью и поставленными задачами, а также указывают на перспективность проведения дальнейших научных изысканий в заданных автором направлениях. Многие из представленных в работе выводов прошли необходимую апробацию в рамках международных и всероссийских научных мероприятий.

На основе изучения текста диссертации и опубликованных работ по теме диссертации можно сделать общий вывод о том, что исследование выполнено В.А. Микрюковым самостоятельно и единолично. Работа логически грамотно выстроена и при необходимом для такого рода комплексных монографических исследований разнообразии затронутых проблем обладает внутренним единством и носит законченный характер.

Высокий научный уровень исследования, серьезная широта и глубина проработки проблемных вопросов изучаемой тематики, основательность проникновения автора в существо объекта и предмета исследования через призму новаторского многоаспектного авторского взгляда на категорию аналогии в системе регулирования частноправовых отношений в целом, новые научные результаты и положения, вынесенные на защиту, свидетельствуют о том, что В.А. Микрюковым внесен существенный личный вклад в науку частного права.

Таким образом, можно заключить, что диссертация Микрюкова Виктора Алексеевича на тему «Категория аналогии в системе регулирования

частноправовых отношений», представленная на соискание ученой степени доктора юридических наук, соответствует специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки, отвечает всем требованиям, предъявляемым к такого рода научно-квалификационным работам Положением о порядке присуждения ученых степеней, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 № 842 (в ред. от 16.10.2024), а ее автор заслуживает присуждения искомой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

Официальный оппонент
Ильина Ольга Юрьевна
доктор юридических наук (12.00.03. – гражданское право;
предпринимательское право; семейное право;
международное частное право), профессор,
декан юридического факультета,
заведующий кафедрой гражданского права
ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

«9» июня 2025 г. О.Ю. Ильина

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тверской государственный университет»
Адрес: 170100, Тверская область, г. Тверь, ул. Желябова, д.33
Телефон: + 7 (4822) 34-24-52
Электронная почта: rector@tversu.ru
Сайт: https://tversu.ru/

Подпись Ильиной О.Ю. удостоверяю
И.о. проректора по НИД
Проректор по ОВ
«09» июня 2025 г. Е.Н. Васильева